

**«СВОБОДА» – СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СРЕДНЕ-
ВЕКОВЬЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

*The notion of individual freedom is a delusion. ...
Personal freedom is a noble delusion and has had its social value;
society might have crumbled without it; it is a necessary instrument
— one of the greatest devices of ‘the cunning’ of Reason or of
History ...
Isaiah Berlin*

(Представление об индивидуальной свободе есть иллюзия.
...Личная свобода – это высокое заблуждение, имеющее свою
социальную ценность; без него общество могло бы развалиться;
это необходимый инструмент – одно из величайших изобре-
тений «хитрости» Разума, Истории ...
Исайя Берлин)

Всякая свобода – это путь,
проложенный из прошлого опыта в будущее.
О. Розенцток-Хюсси

Современное историческое исследование неотъемлемо предполагает выявление как словесно выраженных в текстах изучаемых источников социокультурных концептов, так и опирающихся на них теоретических построений исследователей. Так, И. Берлин, неоднократно касаясь в своих историософских эссе о природе исторического знания проблемы общих категорий и концептов, с одной стороны, утверждает, что «историк, конечно, не станет историком, если он не способен мыслить общими категориями; однако он нуждается в дополнительных, специальных способностях: он должен соединять, видеть качественные сходства и различия, чувствовать уникальность самых разных комбинаций, которые, однако, не должны так отличаться друг от друга, чтобы пришлось предполагать

разрыв в потоке человеческого опыта, и в то же время не быть настолько условными, чтобы казаться порождением теории, а не действительности»¹. Используя общие категории и концепты, даже если они кажутся на первый взгляд обманчивыми метафорами, ученый создает посылку для выявления объективно действующих законов². Он опирается на базовые представления, которые определяют, по выражению И. Берлина, «центральные концепты», такие, как «человек», «общество», «история», «развитие» и так далее³. С другой стороны, категории, в которых отражается опыт разных поколений, разные⁴. Различия между понятиями и категориями характеризуют стадии роста самосознания индивидов и обществ⁵. Поэтому мыслитель настаивает на том, что восстанавливать события прошлого надо не в «наших» терминах и категориях, а в терминах тех, кто жил тогда, когда происходили описываемые события, кто непосредственно воспринимал события прошлого и на кого они влияли. В продолжение своих рассуждений И. Берлин напоминает историку: мысленно перенося себя в прошлое, пытаясь постичь концепты и категории, которые отличаются от тех, что использует он сам, исследователь не может быть уверенным в успехе так же, как не может отказаться от поставленной задачи⁶.

В этой связи нельзя не подчеркнуть, что социокультурный концепт – безусловно один из важнейших теоретических аспектов современного когнитивного направле-

¹ Берлин И. Естественная ли наука история? // *Он же*. Философия свободы. М., 2001. С. 118-119; *Он же*. Понятие научной истории // Подлинная цель познания. М., 2002. С. 77-78.

² Берлин И. Естественная ли наука история... С. 75; *Он же*. Понятие научной истории... С. 30-31.

³ Берлин И. Естественная ли наука история... С. 76; *Он же*. Понятие научной истории... С. 32-33.

⁴ Берлин И. Разрыв между естественными и гуманитарными науками // Подлинная цель познания... С. 396.

⁵ Берлин И. Разрыв... С. 407.

⁶ Берлин И. Естественная ли наука история... С. 112; *Он же*. Понятие научной истории... С. 70-71.

ния исторического исследования. Его неотъемлемой частью выступает изучение, собственно говоря, концепта как адекватного средства анализа социокультурных явлений исторического прошлого⁷. Еще в 1928 г. С.А. Аскольдов-Алексеев в своей статье «Концепт и слово» определил самую существенную сторону указанного термина как познавательного средства: «В проблеме познания это “нечто” носит название концепта, под которым надо разуметь два его вида “общее представление” и “понятие”». Развивая эту мысль, ученый называл концепт мысленным образованием, замещающим в процессе мышления предметы и конкретные представления⁸.

С тех пор зарубежная историческая наука накопила богатый опыт изучения исторически сложившихся концептов. Прекрасным примером тому служит хорошо известный фундаментальный многотомный труд «Основные исторические понятия: исторический лексикон политическо-социального языка в Германии» (Штуттгарт, 1972 – 1997), создателей которого отличает незыблемый интерес к социально-политическим понятиям⁹. Всестороннее рас-

⁷ Подробнее см.: *Вин Ю.Я.* Социокультурный концепт — выбор метода в историческом исследовании: теоретические аспекты когнитивной истории // Проблемы исторического познания. М., 2009. С. 124-142.

⁸ *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М., 268 и далее. Также см.: *Семенова Н.В.* Базовые категории текста: когнитивный аспект представления подтекстовой информации. Уфа, 2008. С. 42-43; *Плотникова А.М.* Когнитивная семантика. Екатеринбург, 2008. С. 22.

⁹ *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Hrsg. v. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart, 1972-1997 (Далее — GGB). Bd. I-VIII. Подробнее см.: *Живов В.М.* История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка Раннего Нового времени / Под ред. В.М. Живовой. М., 2009. С. 6-9; *Копосов Н.Е.* История понятий вчера и сегодня

смотрение каждого из представленных на страницах названного труда «основных понятий» (“Grundbegriffe”) наделяет его системными чертами, которые позволяют видеть в представленных там понятиях, хотя заимствованная из романских языков форма «Konzept» фактически авторами не была использована, подлинно научные «концепты». Согласно Н.Е. Копосову, немецкое понятие «Begriff», английское «Concept», а также русское «концепт» адекватно воплощают собой идею «схватывания» сути явления¹⁰. Рассказывая об этом, российский ученый подчеркивает, сколь огромное влияние на английскую и французскую историографию оказала немецкая «история понятий», которая, став органической частью «лингвистического поворота» названных отраслей исторической науки, в свою очередь, испытывала на себе их непосредственное воздействие¹¹.

Впрочем, европейские коллеги немецких историков, в том числе медиевисты, продвигались по намеченному пути вполне самостоятельно. Убедительным доказательством этому является монография С. Рейнолдс «Королевства и общины в Западной Европе. 900 – 1300» (Оксфорд, 1984)¹². На страницах указанной книги с целью характеристики принципиальных сторон средневекового социума исследовательница неоднократно обращается к концептам. Так, она характеризует концепты, относящиеся к сфере права, социально-экономическим и политическим аспектам исторического процесса, сделав ряд наблюдений

// Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006. С. 9 и далее.

¹⁰ Копосов Н.Е. История понятий... С. 13.

¹¹ Копосов Н.Е. История понятий... С. 21-26. О концепции «лингвистического поворота» подробнее см.: *Он же*. Как думают историки... С. 11 и далее, 219-220, 284-294. Там же указана основная литература.

¹² Подробнее см.: Вин Ю.Я. Социокультурный концепт... С. 129-130.

методологического характера¹³. В частности, медиевистка постоянно обращает внимание на очевидные расхождения между средневековым восприятием и современными научными представлениями. Они предопределяют не просто неизгладимую разницу концептов настоящего времени и исторического прошлого, а порою отображают отсутствие соответствующих воззрений в ушедшую эпоху¹⁴. Поэтому медиевистка призвала постигать историческое прошлое посредством анализа концептов, которыми руководствовались люди изучаемой эпохи, а не полагаться на современные исследователю представления¹⁵.

Что касается концепта «свобода», то в современном научном понимании она выступает как «культуроспецифичный концепт», который обуславливает определенным способом концептуализацию окружающего мира, и тем самым отображает и увековечивает господствующее в обществе мировоззрение¹⁶. Лингвокультурологи относят наименование социокультурного концепта «свобода» к ряду стилистически нейтральных слов, которые оказываются многозначными, что дает исследователю богатый материал для когнитивной интерпретации¹⁷. Действительно, в спонтанности естественных процессов индивид в первую очередь обнаруживает факт несвободы своего поведения, которым он учится овладевать в ходе социализации с помощью средств культуры. Присвоение же культурного опыта — от орудийных действий до нравственных норм — требует произвольных, то есть сознательных усилий, основанных на акте свободного выбора и само-

¹³ См.: *Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe. 900-1300.* Oxford, 1984. P. 17, 20, 45, 59-60 etc., 141, 203, 221, 314, 323 etc., 336-337.

¹⁴ См.: *Reynolds S. Kingdoms and Communities...* P. 59 etc., 73-74, 141, 203, 324, 337.

¹⁵ *Reynolds S. Kingdoms and Communities...* P. 332-333.

¹⁶ *Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков.* М., 1999. С. 434-435 и далее.

¹⁷ *Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика.* М., 2010. С. 198.

стоятельного поступка в неопределенной жизненной ситуации¹⁸.

Универсальность идеи свободы определена ее сущностью, которая заключается в устранении ограничений. Это мотив сохраняет актуальность во все времена и в любом обществе¹⁹. Приводимое положение представляется тем многозначнее, чем явственнее различима разница восприятия семантики понятия «свобода» в странах Запада и России. Свобода выбора ясно выражена в западноевропейской ментальности, самобытный же русский эквивалент этого понятия, как думают некоторые ученые, предполагает прежде всего освобождение от ограничений, накладываемых обществом на личность и, в конечном итоге, снятие самоограничений²⁰. В конечном счете научное описание концепта «свобода» оправдывает приложение этого слова только к таким ситуациям действительности, которые характеризуются уравновешенностью разрешений и запретов на выбор субъектом его действий²¹. Памятуя о глубокой историчности указанных представлений о свободе, отступающих на ранних этапах истории общества перед объективной необходимостью, следует принять тот аргумент современной философии, что при любых коллизиях существования человека научное восприятие свободы зиждется на ее толковании в качестве

¹⁸ Петухов В.В. Природа и культура // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1991. № 4. С. 73. О свободе как возможности выбора подробнее см.: Балашов Л.Е. Практическая философия. М., 2001. С. 180 и далее.

¹⁹ Стефанова О.С. О концепте свобода // Когнитивно-семантические исследования предложения и текста. Пятигорск, 2007. С. 132.

²⁰ См.: Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика: Опыт исследования понятия в методических целях. СПб., 2000. С. 61 и далее.

²¹ Подробнее см.: Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. Ред. Н.Д.Арутюнова. М., 1991. С. 61-64.

внутренней основы человеческого бытия и культуры²². С точки зрения права, предполагающего несколько вариантов истолкования свободы, ее прежде всего толкуют как независимость от внешнего принуждения²³. В своей соотнесенности с религией, правом и моралью свобода предстает как гарантированная правом возможность²⁴.

Свобода человека возникает с зарождением, если так можно сказать, самой культуры, которая устанавливает посредством всякого рода правил, норм, ценностей, традиций и иных форм культурной детерминации, собственные ограничения поведения людей. Иначе говоря, тогда как в природе жизнедеятельность человека сдерживают биологические и физические условия его существования, а также доступные технические ресурсы, то в культуре равнозначными функциями наделена свобода, призванная с помощью запретов, законов и прочих своих, социокультурных по сути²⁵, средств защитить жизнь и достоинство человеческого индивида²⁶. Поэтому концепт свободы, как никакой иной, неотъемлемо обусловлен правом. Естественно-правовые концепции Нового времени рассматривают свободу как абсолютную ценность. Она получает объективированное выражение в процессе становления личности, когда возникает потребность зафиксировать ее свободу в нормативном порядке. Тогда в сво-

²² См.: *Алексеев С.С.* Философия права. М., 1999. С. 85; *Каган М.С.* Философия культуры. СПб., 1996. С. 175-177; *Он же.* Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 169-170 и далее.

²³ Подробнее см.: *Сорокина Ю.В.* Введение в философию права. М., 2008. С. 75 и далее.

²⁴ *Сорокина Ю.В.* Введение... С. 96 и далее.

²⁵ Подробнее см.: *Петухов В.В.* Природа и культура... 1991. № 4. С. 77; Там же. 1992. № 3. С. 48.

²⁶ О защите индивида, его личности с помощью культурных норм, реализуемых в конкретных способах и формах общественной организации, подробнее см.: *Петухов В.В.* Природа и культура... 1992. № 3. С. 52 и далее.

бодe начинают видеть основополагающую идею – принцип права²⁷.

Содержание и пределы человеческой свободы условно предопределяет ее исторически изменчивый характер. Это, наверное, главная мысль, которую воплощает обширный коллективный очерк «Свобода» («Freiheit») в упомянутом ранее историческом лексиконе основных исторических понятий²⁸. Во введении к этому очерку В. Конце, один из идейных вдохновителей и ведущих авторов лексикона, декларирует взаимосвязность семантики понятия «свобода» с принадлежностью к общности («Gemeinschaft») и установленному политическому порядку²⁹. В практически всеобъемлющем хронологическом диапазоне очерка значительное место отведено освещению представлений о свободе эпохи Античности и Средневековья³⁰. Это позволяет авторам очерка наметить преемственность в приложении концепта «свобода» как фундаментального научного понятия к анализу его позитивного содержания. Оно изначально, обозначив в греческом полисе и Древнем Риме противопоставление «свободных» и «рабов», служило для выражения равенства полноправных граждан перед законом. Уже в древности, как показывают авторы очерка, содержание «свободы» определяла борьба за политическую власть и права³¹. Важнейшим фактором средневекового осмысления понятия «свобода» становится христианство. Оно, согласно постулатам соответствующего раздела очерка, отправляясь от новозаветных толкований, выводит на передний край «суверенную свободу» («die souveräne Freiheit») с сопутствующим ей святоотеческим преданием, касающимся «полновластия» («□□□□□□□□□□») Иисуса и ветхозаветными законами.

²⁷ Сорокина Ю.В. Введение... С. 268.

²⁸ GGB. Bd. 2. S. 425-542.

²⁹ Ibid. S. 425-426. О В. Конце см.: Brockhaus Enzyklopädie / 19. Aufl. Mannheim, 1987. Bd. 4. S. 673.

³⁰ GGB. Bd. 2. S. 426-456 u. a.

³¹ Ibid. S. 426-427 u. a., 430-432 u. a.

Евангельские притчи диктуют и социальные аспекты понимания свободы, подразумевающие терпимость к установленному общественному порядку, включая противостояние господ и рабов³². И, наконец, если следовать логике авторов рассматриваемого очерка, не может быть опущено провозглашение свободы церкви. Именно из этого проистекает и свобода вероисповедания, и правовой статус института церкви как сумма ее «свобод» и абсолютная свобода от государства³³.

В то же время средневековое преобразование общества немисливо, по определению специального раздела очерка, без «сословной свободы» («ständische Freiheit»), которая обозначила концепт права (der Rechtsbegriff) с сословно выраженной свободой и присущими ей правами и привилегиями³⁴. В этом свете поднят не только вопрос о систематизации права средневековыми юристами и формировании концепта свободы как многократного градуирования по разрядам «свобод» и «привилегий»³⁵. Вслед тому поставлена проблема личноправовой свободы. Основные положения излагаемой в этой связи концепции формулируются словно правовые максимы, начиная с того, что «... свобода без необходимой власти, чтобы ее защищать, не может существовать» («Freiheit ohne die nötige Macht. Sie zu schützen, nicht bestehen könne»)³⁶. В ряду привлекающих внимание следует отметить также мысль о том, что концепт персональной свободы не был абстрактным термином, но обусловлен местом, занимаемым в социальной пирамиде. Вплоть до конца сословного общества типичным признано «смешение» «свободы» и «несвободы». Гарантией свободы для незащитного индивида оказывалась его «самопередача» («Selbübergabe») госпо-

³² Ibid. S. 436-437 u. a.

³³ Ibid. S. 441-442 u. a.

³⁴ Ibid. S. 446 u. a.

³⁵ Ibid. S. 447.

³⁶ Ibid. S. 447-448.

дину³⁷. Все это позволяет заявлять о том, что «свобода» была «центральным концептом» («ein Zentralbegriff») словесного общества³⁸. И это хорошо объясняет, почему надлежащая дань отдана также проблеме корпоративной свободы, точнее говоря — корпоративно-сословным свободам, определяющим судебные-правовые аспекты государственной политики. В их числе выделяется непосредственное соотнесение концепта свободы с иммунитетом, юрисдикцией и податными обязанностями³⁹.

Воздавая должное авторам очерка «Свобода» исторического лексикона, наметившим ориентиры ее изучения, нужно сказать, что во многих случаях путеводными вехами изучения свободы служат системные сопоставления этого понятия с другими фундаментальными концептами. В первую очередь «свобода» оказывается сопоставлена с «властью» и «собственность». Правда, второму из названных сопоставлений принципиальное значение придано при рассмотрении эпохи Великой французской революции⁴⁰. Нельзя не видеть того, что это решение находит адекватное понимание в научной литературе. Ведь идея «свободы» эпохи Великой французской революции и, тем более, современные научные понятия, которые формировались в рамках определенных исторических и правовых направлений и школ, в корне отличаются от средневековых представлений о свободе. Они далеко не всегда совпадали у представителей различных социальных групп населения, а иногда получали довольно различимые региональные особенности⁴¹.

Со всей определенностью можно утверждать, что изучение концепта «свобода» в Средние века непременно связано с его широким пониманием как феномена, опо-

³⁷ Ibid. S. 448-449.

³⁸ Ibid. S. 450.

³⁹ Ibid. S. 450-452.

⁴⁰ Ibid. S. 519-525.

⁴¹ Подробнее см.: *Rösener W. Bauern im Mittelalter. München, 1986. S. 228-229 ff.*

средующего отношения собственности и социального строя в свете религиозных учений Средневековья. Исходя из указанных взаимосвязей средневековой сословности, которой свойствен широкий диапазон градаций — от полноправия до зависимости, в современной науке делается вывод о бесспорном влиянии свободы на содержание отношений собственности. «Свобода» в ее преломлении к Средневековью находила выражение в предоставлении тех или иных полномочий, таких, как права владения, пользования и распоряжения⁴².

Затрагивая вопрос о социальности средневекового человека, непременно нужно подчеркнуть, что современное ему общество ни в отношении собственности, ни власти, конечно же, никакого равенства между людьми не знало. И если ощущение нечто подобного могло возникнуть в общественном сознании той эпохи, то рассмотрение того допустимо только в плоскости религиозных воззрений. Христианская догма насаждала в головах простых смертных мысль об их равенстве перед Богом, тогда как идея равноправия взывала к царству небесному⁴³. С позиций господствующего вероучения социальное положение человека не казалось неизбежным отрицанием или нарушением свободы личности, ибо в рамках религиозного мировосприятия Высшая личность — Абсолютное, чьим неотъемлемым атрибутом являлась свобода. И, стало быть, Бог создает, искупает и «усовершенствует» свободную тварь. Но поскольку человек в земном бытии, согласно религиозным представлениям, отъединяется от Абсолютного, он отступает от совершенной свободы Создателя к царству необходимости⁴⁴. Средневековье еще вовсе не утратило норм традиционного общества, в соответствии с которыми вступавшего во взаимоотношения с другими людьми человека характеризовали адскриптивные, то есть приписываемые статусы. Они ориентировали на обще-

⁴² *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. М., 1999. С. 48.

⁴³ Ср.: *Ивин А.А.* Философия истории. М., 2000. С. 49, 248-249.

⁴⁴ Ср.: *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 316-318.

ственное восприятие индивида не дифференцировано, а в их совокупности. Тем самым в глазах окружающих человека социальных партнеров его образ обретал неделимую целостность. Благодаря тому во внимание бывали приняты не просто пол, возраст и место в социальной иерархии. При всем богатстве природных и социальных индивидуальных черт как их общественную значимость, так и словесное положение члена общества определяли исходя из принадлежности к той или иной семье, роду, общине без расчленения статуса человека на отдельные элементы⁴⁵. «Его принадлежность к различным группам представляет, — согласно концепции О. Розеншток-Хюсси, — все времена, в которых он должен жить». Именно в принадлежности больше, чем к одной общественной группе, религиозный мыслитель усматривает сущность человека и его мышления, мотивируемого неизбежностью изменений⁴⁶.

В этом свете сословное деление общества служит своеобразным идеалом, претворенным в средневековом сознании с присущими ему представлениями о равенстве перед судом Божиим и взаимосвязанности правовых статусов свободы и несвободы крестьянства⁴⁷. Поэтому отправным пунктом изучения непрерывной череды выстраивающихся в человеческую судьбу событий оправданно признать представления о свободе, то есть культурной формы бытия, которая выступает в качестве универсального принципа деятельности. Истолкованная в таком смысле свобода, в отличие от известной формулы Ф. Энгельса, предполагает внеинстинктивный выбор действия или поступка, говоря иными словами, свобода во-

⁴⁵ Ср.: *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996. С. 38-39.

⁴⁶ См.: *Розеншток-Хюсси О.* Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб., 2000. С. 504-505.

⁴⁷ *Oexle O.G.* «Die Statik ist ein Grundzug des mittelalterlichen Bewußtsein»: Die Wahrnehmung sozialen Wandels im Denken des Mittelalters und das Problem ihrer Deutung // Sozialer Wandel im Mittelalter: Wahrnehmungsformen, Erklärungsmuster, Regelungsmechanismen / Hrsg. v. J. Miethke, K. Schreiner. Sigmaringen, 1994. S. 48-49 ff., 52 ff., 67-68.

площается как акт внутреннего самоопределения человека. Его нельзя вычеркнуть из истории⁴⁸. Люди, наделенные способностью делать каждодневный выбор, даже заведомый по его характеру, чувствовали и переживали, грешили и испытывали страх, молились и постигали окружающий их мир. И в этом смысле слова они оставались свободны, хотя их действия и поступки относятся скорее, как считает вслед за А.Я. Гуревичем Л.М. Баткин, к сфере необходимости⁴⁹. В целом же свобода человека традиционного общества охватывает все то, что не противоречит сложившимся традициям и служит их воспроизводству. «Культура» указанной эпохи тождественна вступлению индивида на отведенное ему по традиции в данном социуме место⁵⁰. Так, в Древнем Риме «свободными» (*liberi*) называли детей, рожденных в законном браке, который относился к сфере публичного права. Собственно говоря, этот брак и заключали ради появления на свет полноправных преемников⁵¹. Ведь для них положительное содержание «свободы» определяло римское гражданское полноправие. Понятия «свобода» (*libertas*) и «гражданство» (*civitas*) служили для обозначения двух граней по сути одного и того же социального статуса⁵².

Средневековая свобода рождалась в горниле многовековой плавки новообразованного социума, формировавшего сословия господствующего класса и крестьянства. Для представителей господствующих кругов феодального общества идея свободы смыкается с идеей знатности и получением привилегий, в противоположность непривильегированному состоянию. Для социальных ни-

⁴⁸ Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М., 1995. С. 18-19.

⁴⁹ Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей: Человек в истории, 1994. М., 1994. С. 26.

⁵⁰ См.: Петухов В.В. Природа и культура... 1991. № 4. С. 77.

⁵¹ См.: Розеншток-Хюсси О. Избранное... С. 114-116.

⁵² См.: Дубровский И.В. Свобода и не свобода // Словарь средневековой культуры. М., 2007 (Далее — ССК). С. 451.

зов, положение которых предопределяло сеньориальное подчинение чужой воле, ее олицетворением стали «дурные обычаи» и личные повинности, а свобода заключалась в освобождении от них в ходе сложного процесса получения отдельных прав⁵³. Поэтому сложившаяся в Средние века свобода предстает в виде раздробленной совокупности «вольностей»⁵⁴. В их свете своеобразие средневекового понимания свободы обуславливали отнюдь не «личные свободы», а «суверенная» индивидуальность⁵⁵. Впрочем, свободу не воспринимали как свободу мышления, посколькx помыслить, согласно убеждению О. Розеншток-Хюсси, можно было только закон, а связи между свободой и законом оказывались абсолютны⁵⁶.

Итак, современные научные концепции и средневековые представления о свободе существенно разнятся. Как подчеркивает зарубежная медиевистика, различия выражены на уровне самосознания субъектов – средневековому человеку оставалось чуждым дифференцированное отношение к своему бытию⁵⁷. Это положение в первую очередь применимо к крестьянству. Прежде всего хотелось бы снять вопрос об уместности по отношению к нему отождествления понятия «свободы» с философским восприятием творчества как возможности самореализации сущностных сил и потенций индивида. В этом смысле «свобода», согласно яркому определению М.К. Мамардашвили, заключается в способности преобразовывать, претворять, чтобы воссоздавать нечто, бесконечность производящее, секретизирующее, то есть критерий успешности – свобода действия, высвобождение свобо-

⁵³ Дубровский И.В. Свобода и не свобода... С. 454 и далее; Он же. Деревня // Там же. С. 138.

⁵⁴ См.: Дубровский И.В. Свобода и не свобода... С. 460.

⁵⁵ См.: Ивин А.А. Философия... С. 280-281.

⁵⁶ См.: Розеншток-Хюсси О. Избранное... С. 377-378.

⁵⁷ Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in einzeldarstellungen / Hrsg. v. P. Dinzelsbacher. Stuttgart, 1993. S. 514 ff.

ды...⁵⁸ В указанном аспекте личная свобода крестьянина является производной от принятых форм хозяйствования и, в конечном своем итоге – от отношений частной собственности⁵⁹. Поэтому в научном смысле слова «свобода» земледельцев выступает как функция формирующихся отношений собственности и соответственно – производственных отношений. Их развитие неоспоримо предопределяло вычленение общественно значимого индивида и возникновение личности⁶⁰.

Говоря о Средневековье, во внимание должно принимать тот факт, что тогда крестьянская собственность на орудия и средства труда еще не успела отрешиться от человечески вещного синкретизма, а собственность представителей господствующего класса была неотделима от сословно-корпоративных привилегий⁶¹. В результате средневековую свободу отличала сугубая корпоративность – ее порождала принадлежность к определенной социальной группе, слою, сословию, для представителя которого свобода являлась выражением не его индивидуальных прав, а общественного положения его сословной группы⁶². Именно она обеспечивала обладателю «свободы» полноправное положение хозяйствующего субъекта в коллективе. Для его члена «свобода» наполнялась реальным позитивным содержанием. Правда, это главным образом было

⁵⁸ Мамардашвили М.К. Стрела познания: набросок естественно-исторической гносеологии. М., 1996. С. 290.

⁵⁹ Ср.: Барулин В.С. Социально-философская антропология: Общие начала социально-философской антропологии. М., 1994. С. 125-126, 215 и далее.

⁶⁰ Ср.: Барулин В.С. Социально-философская антропология... С. 132 и далее.

⁶¹ Барулин В.С. Социально-философская антропология... С. 140-141.

⁶² См.: Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 203; *Он же*. Начало феодализма в Европе // Гуревич А.Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 1. С. 325; *Он же*. Категории средневековой культуры М., 1984; *То же* // Гуревич А.Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 162-163.

свойственно варварскому миру⁶³. В условиях развитого феодального общества такая свобода в ее приложении к крестьянству превращается в анахронистический пережиток родоплеменных дофеодальных порядков⁶⁴.

Поступательный ход истории выдвигает на первый план «свободу» с «негативным», по обозначению отечественных историков, смыслом. Придерживающиеся указанной позиции в толковании «свободы» медиевисты, и одним из первых среди них следует назвать А.И. Неусыхина, предполагают отсутствие у ее носителей определенных форм личной и материальной зависимости, упразднение символизирующих зависимость обязанностей и ограничений дееспособности⁶⁵. Разумеется, необходимо признать, что в этом плане медиевистика следует общетеоретическим положениям исторической науки. Здесь имеются в виду концепции «позитивной» и «негативной» свободы, столь ярко выраженные в творчестве И. Берлина⁶⁶. Его исходной посылкой является тезис: «Принудить человека — значит лишить его свободы». Из

⁶³ *Неусыхин А.И.* Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма.* М., 1985. Т. 1. С. 149.

⁶⁴ См.: *Барг М.А.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973. С. 173-174.

⁶⁵ *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI – VIII в. М., 1956. С. 32. Анализ концепции «позитивной» и «негативной» свободы, предложенной А.И. Неусыхиним см.: *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание: (Методологические аспекты). Томск, 1973. С. 119-120. Также см.: *Бесмертный Ю.Л.* Сеньория в системе феодальной эксплуатации крестьянства // *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма.* М., 1986. Т. 2. С. 505.

⁶⁶ Подробнее см.: *Berlin I.* Two Concepts of Liberty // *Idem.* Four Essays on Liberty. London; Oxford, 1969. P. 118-172. = *Берлин И.* Два понимания свободы // *Он же.* Философия свободы. М., 2001. С. 122-185. Также см.: *Он же.* «Не ведайте ни страха, ни надежды» // *Подлинная цель познания.* М., 2002. С. 124-161.

этой позиции философ выводит концепцию негативной свободы. Ее сущность выражает постулат о том, что человек свободен в той степени, в какой никто не вмешивается в его деятельность. В этом смысле «быть свободным» значит «не испытывать стороннего вмешательства»⁶⁷. Но каковы бы ни были принципы, определяющие сферу чуждого «вмешательства», будь то «естественный закон», «естественное право» или «общественный договор», которые перечисляет в ряду прочих концептов И. Берлин, свобода в указанном смысле остается «свободой от»⁶⁸. Это «негативная» свобода в ее «классическом» виде, который предполагает «свободу от» ограничений в противоположность позитивной «свободе чего-то». Речь идет об универсальной схеме, которая обретает специфику, наполняясь национальным содержанием⁶⁹. Безусловно И. Берлин вполне отчетливо осознавал указанное обстоятельство, утверждая, что для «негативной» свободы принуждение выступает как непререкаемое зло. Оно оправдано стремлением к тому, чтобы избежать большее зло. Эта доктрина, по мнению ученого, родилась в Новое время, тогда как в Древности вряд ли поднималась проблема индивидуальной свободы как осознанного политического идеала. К тому же указанный концепт свободы, разделяя присущее ей принуждение, несовместим с самоуправлением и демократией⁷⁰. «Позитивный» же смысл свободы появляется тогда, когда встает вопрос о том, «кто мной правит?». Исторически этот смысл свободы может быть даже старше, чем проблема «невмешательства». Главное — «позитивное» понимание свободы предполагает «свободу для»⁷¹. Сущность понятия позитивной свободы проистекает из желания быть хозяином

⁶⁷ *Berlin I. Two Concepts of Liberty...* P. 121 etc. = *Он же*. Два понимания свободы... С. 125 и далее.

⁶⁸ *Berlin I. Two Concepts of Liberty...* P. 126-127 etc. = *Он же*. Два понимания свободы... С. 131 и далее.

⁶⁹ *Стефанова О.С.* О концепте свобода... С. 133-134.

⁷⁰ *Berlin I. Two Concepts of Liberty...* P. 128 etc. = *Он же*. Два понимания свободы... С. 133 и далее.

⁷¹ *Ibid.*, P. 129-131. = *Там же*, С. 135-136.

самому себе. Оно не просто зиждется на безусловном отрицании принуждения и рабства, а на праве свободного волеизъявления. Позитивная свобода, и вряд ли кто либо еще показывает лучше и убедительнее, чем это делает И. Берлин, опирается на формирование личности⁷².

Однако справедливости ради следует сказать, что выявленная дихотомия не была оригинальна для Средневековья, будучи рождена Античностью в форме концепта «положительной свободы», противопоставляемого накладываемым на человека обществом ограничениям⁷³. Рожденный тогда концепт противопоставлял свободу рабству. В средневековой Европе противопоставление «свободы» и «серважа» было положено в основание сословного деления общества, тем самым получавшего теоретическое обоснование его системы социальной дифференциации⁷⁴. Вполне успешно восприняв античное наследие, средневековая юридическая мысль объявляла устами легистов «свободу» природной дееспособностью человека⁷⁵. В средневековую эпоху античное, исходившее из естественно-правовых воззрений противопоставление «свободы» и «несвободы» превращается в расплывчатую, лишенную четких границ доктрину, отягощенную библейскими постулатами о равенстве всех людей перед Богом и их общественном неравенстве⁷⁶. В конечном счете заимствование античной по происхождению идеи дихотомии «свободы» и «рабства» образованными кругами средневекового общества оказывалось очевид-

⁷² Berlin I. Two Concepts of Liberty... P. 131-134 etc. = *Он же*. Два понимания свободы... С. 136-140 и далее.

⁷³ См.: *Вежбицкая А.* Семантические универсалии... С. 435-438.

⁷⁴ См.: *Köhn R.* Wahrnehmung und Bezeichnung von Leibeigenschaft... S. 307-308.

⁷⁵ См.: *Schmäge L.* Mobilität und Freiheit im Mittelalter // Die Abenländische Freiheit vom 10. zum 14. Jahrhundert: Der Wirkungszusammenhang von Idee und Wirklichkeit im Europäischen Vergleich / Hrsg. v. J. Fried. Sigmaringen, 1991. S. 309.

⁷⁶ *Graus F.* «Freiheit» als soziale Forderung. Die Bauernbewegungen im im Spätmittelalter // Die Abenländische Freiheit... S. 409-410 ff., 412-413 ff., 431.

ным образом чересчур схематичным, чтобы доподлинно отражать его социальную структуру. Ее обуславливала система многочисленных переходных от зависимости к «свободе» градаций «полусвободы», в которых крестьяне видели прежде всего разного рода проявления привилегированного правового положения, выражаясь другими словами – его «улучшения»⁷⁷.

В этом свете безусловно показательна характеристика свободы, построенная на ее противопоставлении крепостной зависимости, которое последовательно проводил в своих трудах М. Блок. Он, в частности, объяснил, как в Средние века ушло в прошлое античное, по его словам, «расщепление», разделявшее свободного человека и раба, лишенного доступа к публичным институтам и, тем самым, поставленного вне общества⁷⁸. В рамках историко-правового направления наглядным примером тому может служить концепция сельской общины, которую предложил в свое время Т. Майер, обобщив результаты многолетних исследований своих сподвижников из «Констанцкого кружка по средневековой истории»⁷⁹. В ряду главных факторов подъема сельских общин в странах средневековой Западной Европы Т. Майер и его коллеги называли «власть» и «господство» («Herrschaft»), административные и судебные полномочия, а также права и при-

⁷⁷ *Köhn R.* Freiheit als Forderung und Ziel bäuerlichen Widerstandes (Mittel- und Westeuropa, 11. – 13. Jahrhundert) // *Die Abendländische Freiheit...* S. 384-385.

⁷⁸ См.: *Block M.* Mélanges historiques. Vol. I. Paris, 1963. P. 261-285, 286-355; *Idem.* La société féodale. Paris, 1968. P. 355-381, particulièrement 363.

⁷⁹ См. протоколы заседаний кружка «Констанцкого ряда» 1957–1958 гг. и, в частности, протокол № 76 научной сессии 30 сентября – 3 октября 1959 г. Соответственно см.: Theodor Mayer und der Konstanzer Arbeitskreis: Theodor Mayer zum 80. Geburtstag. Konstanz, 1963. S. 48-49; Theodor Mayer zum Gedenken. Sigmaringen, 1974. S. 43.

вилегии, как и, соответственно, выдвинутые на передний план «свободу» или «несвободу» крестьянства⁸⁰.

Для средневекового крестьянина достижение статуса лично свободного человека означало ликвидацию словесного неполноправия⁸¹. Впрочем, даже получение хартий вольности не обеспечивало автоматического перехода от «несвободы» к «свободе»⁸². При этом зарубежные медиевисты склонны рассматривать дифференцировано личную и коллективную свободу. В первую очередь это касается письменных гарантий прав представителей господствующего класса, получавших корпоративную «свободу»⁸³. Точнее говоря – не «свободу», а «свободы», поскольку подразумевается предоставление суверенами юридических полномочий и податных привилегий, которые в Средневековье власть уступала сначала церкви, а затем городским коммуна⁸⁴. В определенных исторических условиях юридическо-правовые нормы устанавливаемой «свободы» становились заметным социокультурным стимулом урегулирования споров и взаимных претензий бюргеров и местных землевладельцев⁸⁵. Вместе с ними,

⁸⁰ См.: Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen / Hrsg. v. Th. Mayer. Konstanz; Stuttgart, 1964. Bd. 1. S. 7-9; Bd. 2. S. 465-495, bes. 465-466, 467-468 ff. Об интерпретации концепта «Herrschaft» в современной немецкой медиэвистике подробнее см.: Goetz H.-W. Moderne Mediävistik: Stand und Perspektiven der Mittelalterforschung. Darmstadt, 1999. S. 174-175 ff., 193 ff. Также см.: GGB. 1982. Bd. 3. S. 1-102.

⁸¹ См.: Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI – XV вв.). М., 1984. С. 301, 307 и другие.

⁸² См.: Reynolds S. Government and Community in Western Europe. 900-1300. Oxford, 1984. P. 141.

⁸³ См.: Ibid., P. 131.

⁸⁴ Vergauteren F. Les libertés urbaines et rurales du XIe au XIVe siècle // Les libertés urbaines et rurales du XIe au XIVe siècle: Colloque Intern. Spa, 5-8 IX 1966. Bruxelles, 1968. P. 13-14 etc.

⁸⁵ Heilfurth G. Das Rechtselement der «Freiheit» als Soziokulturelles Movens im Bergbau // Das Recht der kleinen Leute... S. 69-71 u. a.

согласно насаждаемой в западной науке формально-правовой концепции, освобождались и сельские общины, получавшие собственные «законы»⁸⁶. В этом смысле «свободы» указывали на самостоятельность и независимость определенных территорий и поземельных общин, привилегированность правового положения индивидов и групп, их освобождения от крепостной и личной зависимости. Контраст индивидуально-личных и коллективно-корпоративных «свобод» нивелировало их содержание, предполагавшее административные, юридические и политические полномочия, распространявшиеся в отношении индивидов и собственности⁸⁷. На таких научных позициях выстраивается концепция «крестьянской свободы», скажем, Х. Вундер. Фактическим ее критерием признана самостоятельность крестьянского хозяйства. Однако в качестве главной черты сельской общины высвечивается ее правовая и юридическая дееспособность наряду с судебной компетенцией органов общинного управления⁸⁸. В этом смысле Х. Вундер следовала своему именитому предшественнику – К. С. Бадеру, который, выстраивая свою общинную теорию, правда, практически избегает непосредственного обсуждения проблемы свободы как таковой за исключением, пожалуй, нескольких разрозненных сюжетов. Они, тем не менее, рисуют самобытную картину правоотношений жителей средневекового села. Так, вопрос о «свободе» затрагивается ввиду анализа характера феодального иммунитета крупного собственника и, в частности, «свобода» раскрывается как неотъемлемое полномочие в непосредственной связи с судебными правами, предоставленными представителям феодального аппарата управления, или проистекающими из иммунитета притязаниями феодала на «свободу» и сельский «мир»

⁸⁶ *Vergauteren F.* Les libertés urbaines et rurales... P. 24-25.

⁸⁷ *Köhn R.* Freiheit... S. 352-353 ff., 375 ff., 382-383 ff.

⁸⁸ См.: *Wunder H.* Die bäuerliche Gemeinde... S. 44-45 ff.

(Frieden)⁸⁹. В свою очередь концепт «соседской свободы» («nachbarliche Freiheit»), по мнению немецкого историка, включает в себе указание на обустройство внутренней территории села и получает объяснение в качестве метафоры «сельского мира» (Dorffrieds)⁹⁰. Принципиальны пояснения К. С. Бадера по поводу концепта «свободные общины» («Freie Dorfgemeinde»). Эпитет «свободная» в его приложении к общине выражал, по словам ученого, многообразные представления, опосредованные «освобождением» от поземельной и судебной зависимости, тогда как формы свободного мышления в Средневековье признаны относительными⁹¹. С указанной точки зрения отличие между «свободной» и «несвободной» сельской общиной представляются не более как доминирующей юридической конструкцией, которая не находит в материалах источников никакой опоры. И, вероятно, потому правовые формы «свободной» общины в ее историческом развитии признаны всецело несущественными, несмотря на то, что по сути речь должна была бы идти о коммунальном движении, а не «действии и ограничении» («Geltung und Beengung»)⁹². Напрямую же с сельской общиной вопрос о «свободе» соотнесен как противопоставление ее «несвободе», точнее говоря – социально-правовой зависимости, при обсуждении внутренней структуры общинного села, социального устройства и прав землепользования односельчан, реализуемых в форме их солидарности (Genossenschaft)⁹³.

Как известно, советская медиэвистика рассматривала положение сельской общины согласно однозначной модели распространения феодальной зависимости крестьян-

⁸⁹ Bader K.S. Das Mittelalterliche Dorf als Frieden- und Rechtsbereich. Weimar, 1957. S. 168, 174-175, 211, 225 u. a.

⁹⁰ Bader K.S. Das Mittelalterliche Dorf... S. 89.

⁹¹ Bader K.S. Dorfgenosenschaft und Dorfgemeinde... S. 103-104.

⁹² Bader K.S. Dorfgenosenschaft und Dorfgemeinde... S. 323-324.

⁹³ Bader K.S. Dorfgenosenschaft und Dorfgemeinde. Köln; Graz, 1962. S. 269-270.

яинства: с появлением вотчины, то есть с завершением процесса феодализации, по словам С. Д. Сказкина, община-марка из общины свободных крестьян превращалась в зависимую, чаще всего крепостную общину⁹⁴. Предполагалось, что «феодалы лишили общины их свободы», подчиняя «своей цели – производству и присвоению феодальной ренты». Ради того господа сохраняли хозяйственные распорядки, с одной стороны. С другой — объединение крестьян в общину, даже подчиненную в целом феодалу, облегчало им сопротивление «хищническим устремлениям» представителей господствующего класса. Поэтому нельзя представить себе средневековой феодальной деревни, как утверждает С. Д. Сказкин, вне общинной организации⁹⁵. В этом свете вполне оправданно видеть в сельской общине сословный институт, который складывается в период господства серважа и крепостничества. Указанной научной позиции отдают должное и многие зарубежные специалисты, такие, как В. Рэзенер, заявивший о том, что крепостная зависимость без сомнения является главной чертой средневекового крестьянства, что служит отправным положением для дальнейших суждений названного ученого о данной проблеме⁹⁶. Правда, вопрос, собственно говоря, о сельской общине при этом отступает далеко на задний план, тогда как вперед выдвигаются различные аспекты крестьянско-поместных отношений, регулируемых при ее (общины) посредстве⁹⁷. Благодаря тому, без сомнения, отождествление современными историками средневековой общины с сословным институтом объясняет, как было продемонстрировано, ее идентификацию в качестве «крестьянской». Правда, указанная атрибуция сама по себе не раскрывает исконной социальной

⁹⁴ Сказкин С.Д. Очерки по истории западно-европейского крестьянства в Средние века // *Он же*. Избранные труды по истории. М., 1973. С. 78.

⁹⁵ Сказкин С.Д. Очерки... С. 262.

⁹⁶ Rösener W. Bauern im Mittelalter... S. 214 ff.

⁹⁷ См.: Rösener W. Bauern im Mittelalter... S. 47-48, 62-65, 87.

стратификации сельской общины. Как заявила Х. Вундер, «крестьянская община» никак не может быть техническим термином с точным определением, содержание которого, по мысли историка, наполняет сообразно «иммунитет» или «автономия». В рассматриваемом понятии должна сохраняться, выражаясь языком немецкой ученой, фактическая «возможность действия» («*Wirkungsmöglichkeiten*»), как и связность крестьянской семьи с местной общиной, хотя не всякая точка зрения, прибавляет Х. Вундер, подразумевая обозначение «крестьянская община», с равной обстоятельностью могла бы быть представлена⁹⁸. Не удовлетворившись перечислением ряда ведущих идей (*Leitbegriffe*) – «господство и товарищество», «свобода», «автономия», «самостоятельность», историк признает принципиальные стороны средневековой общины, если опустить детали, во-первых, в ее организующей силе; во-вторых, в солидарности; в-третьих, в отношениях между местной общиной и остальным обществом⁹⁹. С этих научных позиций «крестьянская община» получала автономию и иммунитет в результате политической экспансии, хозяйственного и демографического роста на вновь колонизируемых землях в условиях укрепления там личной свободы крестьян¹⁰⁰. В конечном счете, однако, «крестьянская община», по словам Х. Вундер, не была никакой самостоятельной формой «крестьянской совместной жизни», а представляла противоположный полюс власти и поместью (буквально «господству» – «*Herrschaft*»), с которым общину разделило обширное пространство напряженных отношений¹⁰¹.

Конечно, до тех пор, пока центральной категорией картины мира средневекового крестьянина оставался его труд на земле, именно в нем он искал спасения души¹⁰².

⁹⁸ См.: *Wunder H.* Die bäuerliche Gemeinde... S. 23-24.

⁹⁹ См.: *Ibid.*, S. 24.

¹⁰⁰ См.: *Ibid.*, S. 58-61 ff.

¹⁰¹ См.: *Ibid.*, S. 78-79.

¹⁰² *Гуревич А.Я.* Крестьяне // ССК. С. 243.

Крестьяне были убеждены в том, что именно труд делает их свободными¹⁰³. Но нужно помнить о том, что в средневековом обществе и свобода не исключала повиновения закону, обычаю, традиционным нормам поведения¹⁰⁴. Тому не противоречили также отношения зависимости¹⁰⁵. Некоторые обязанности, возлагаемые на сельских земельных собственников, они выполняли безотносительно того, были ли они свободны или зависимы, поэтому различия между свободными и несвободными селянами далеко не всегда бывали ясны¹⁰⁶. Поэтому юридическая пестрота крестьянской несвободы плохо поддается систематизации¹⁰⁷. А разделение «свободных» и «несвободных» внутри крестьянского сообщества препятствовало его единству¹⁰⁸. Эту отчетливо видимую и воспринимаемую в Раннее Средневековье сторону крестьянского сословия, простиравшуюся как следствие объединявшего земледельцев физического труда, постепенно уничтожают ведущие их по пути расслоения различия свободы и несвободы¹⁰⁹. Под прямым воздействием новых хозяйственных и социальных условий жизни различия между свободными и несвободными, полусвободными и закрепощенными группами сельского населения утрачивают свое прежнее значение. Вследствие их смешения они постепенно замещаются вновь формирующимися многочисленными категориями

¹⁰³ Там же, С. 244.

¹⁰⁴ *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса... С. 199; *Он же.* Начало феодализма... С. 323.

¹⁰⁵ Ср.: *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса... С. 201; *Он же.* Начало феодализма... С. 324; *Он же.* Категории средневековой культуры... С. 159; *Бессмертный Ю.Л.* Сеньория в системе феодальной эксплуатации крестьянства // *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма.* М., 1986. Т. 2. С. 505-506.

¹⁰⁶ См.: *Reynolds S.* Government and Community // *New Cambridge Medieval History.* Cambridge, 2004. Vol. 4, Part 1. P. 115, 119 etc.

¹⁰⁷ *Дубровский И.В.* Свобода и не свобода... С. 456.

¹⁰⁸ См.: *Reynolds S.* Government and Community... P. 112 etc.

¹⁰⁹ Ср.: *Oexle O.G.* «Die Statik... S. 52.

зависимых крестьян, правовой статус которых определяло личное подчинение собственнику земли¹¹⁰.

По этому поводу необходимо сказать, что в Средние века личная зависимость приобретает расчлененный характер. С одной стороны, продолжает сохраняться прямая производственно-бытовая зависимость друга от друга членов первичных социальных ячеек общества, таких как сельские общины. С другой – с течением веков нарождаются и начинают преобладать различные формы социально-политической зависимости, предопределенные усложнением сословно-корпоративной структуры общества. Они, конечно, обуславливаются характером господствующих в данную эпоху отношений собственности и служат выражением степени общественной интеграции человека, когда неизмеримо возросла роль подчинения непосредственных производителей обладателям сословно-политических привилегий¹¹¹. В указанных исторических условиях отягощенное узами личной зависимости крестьянство понимало свободу как противоположность сеньориальному подчинению и связывало ее с ослаблением податного гнета, видело в свободе «жизнь по собственному праву»¹¹². Важнейшим признаком того считалась возможность для средневекового крестьянина менять своего господина, которую открывало отсутствие или упразднение зависимости лично-наследственного характера, что, как правило, складывается в результате длительного держания земельного участка¹¹³. Помимо того для представителей различных социальных групп средневекового общества неотъемлемой частью их свободы становилась возможность и право передвижения – их мобильности и мигра-

¹¹⁰ См.: *Rösener W.* Bauern im Mittelalter... S. 205-206.

¹¹¹ Ср.: *Барулин В.С.* Социально-философская антропология... С. 118-122 и далее.

¹¹² См.: *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса... С. 192; *Он же.* Начало феодализма... С. 318.

¹¹³ Бессмертный Ю.Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII - XIII вв. М., 1969. С. 337.

ции¹¹⁴. В конечном итоге выдвигаемое в ходе средневековых крестьянских движений требование «свобод» вопреки их конкретному содержанию, предопределявшему возникновение привилегированных групп, приобретало сугубо социальный характер, который означал ограничение равенства жителей в масштабах деревни. Тем не менее, лозунг, призывавший крестьян к достижению «свободы», на исходе Средневековья фактически, независимо от форм изъяснения, становился фактором формирования социального облика «деревенской общности» («Dorfgemeinschaften»)¹¹⁵.

Однако концепты «свободы» и «несвободы» первого периода Развитого Средневековья были менее просты и универсальны, как заявляет С. Рейнолдс, нежели то, во что они превращаются впоследствии¹¹⁶. В этом смысле несомненным познавательным потенциалом наделены суждения Х. Вундер, понявшей вопрос о взаимообусловленности крестьянской свободы и крестьянской общины указанного времени. Благодаря скепсису в восприятии соотношения между названными общественными явлениями немецкая специалистка ставит под сомнение тот факт, что «крестьянская свобода» была предварительным условием «общинной свободы». Несмотря на очевидные региональные отличия «крестьянской свободы», община существовала повсюду. Одновременно правовой статус каждого отдельного крестьянина, находящегося в личной зависимости, не препятствовал образованию крестьянской общины¹¹⁷. С другой стороны, характеризуя «крестьянскую свободу» в Развитое Средневековье, Х. Вундер подчеркивает, что сельская община не просто контролировала хозяйственную и социальную организацию, но и отдельных

¹¹⁴ *Schmugge L.* Mobilität und Freiheit im Mittelalter // Die Abenländische Freiheit... S. 307-324, besonders 308-310 ff.

¹¹⁵ Ср.: *Graus F.* «Freiheit» als sociale Forderung... S. 432-433.

¹¹⁶ *Reynolds S.* Government and Community... P. 141-142.

¹¹⁷ Ср.: *Wunder H.* Die bäuerliche Gemeinde... S. 18 ff.

ее членов¹¹⁸. Наблюдения историка немецкой общины над путями ее формирования во вновь колонизируемых областях показывают, что правовой статус поселенцев в качестве «свободного крестьянина» или просто «свободного», вовсе не обладал всеобъемлющей значимостью. «Общинная свобода» требовала прежде всего «натурализации» в виде суда низшей инстанции¹¹⁹. Более того, «общинная свобода» отнюдь не означала «личной свободы» членов общины. Она стояла над квалификацией правового положения отдельного человека¹²⁰. И потому, раскрывая правовое положение «свободного села», Х. Вундер ставит акцент на «свободном суде». Сам по себе он не формировал никакого местного союза, но служил для живущих в крестьянской общине «свободных», то есть в их особом правовом статусе, опорой их «свободы»¹²¹.

Описанные подходы к средневековому пониманию свободы, вероятно, вполне отвечают изложенным ранее суждениям И. Берлина. Согласно его концепции, в конечном итоге, независимо от степени выражения «негативной» или «позитивной» свободы, чаянья как отдельного человека, так и социальных групп предопределяло их устремление к общественному признанию. Его отсутствие всегда воспринималось как попрание свободы. Именно факторы такого рода, какова бы ни была их природа, вызвали к жизни требование признать искомый статус и желание бороться за него. В улучшении социального статуса люди видели свободу, даже если самое представление о ней становилось настолько туманным, что оно легко смешивалось с понятиями «статус», «солидарность», «братство», «равенство», за которыми в глазах каждого современного человека стоят представления о независи-

¹¹⁸ См.: *Ibid.*, S. 46.

¹¹⁹ См.: *Ibid.*, S. 61-62.

¹²⁰ См.: *Ibid.*, S. 72.

¹²¹ См.: *Ibid.*, S. 77.

мости¹²². Может быть, историческую эволюцию этих представлений, разделив полемический задор И. Берлина, утверждающего в своем толковании «свободы» демократический плюрализм мнений о выполнении морального долга, делающего человека свободным, уместно рассматривать как извечный конфликт между двумя пониманиями свободы?¹²³ Разве можно оспорить заявление философа о том, что подлинная свобода человека состоит в его самореализации и самоуправлении, что деятельность человека находит объяснение в хорошо осознаваемых им мотивах и целях, которые предопределяют согласно свободной воле собственный выбор индивида?!¹²⁴ Иначе говоря, самая свобода всегда выступала в качестве заветной цели человека – она давала ему возможность выбора, без которого нельзя оставаться человеком¹²⁵.

Правда, в целом для понимания социокультурной роли «свободы» в Средневековье необходимо еще раз напомнить о том, что тогда в качестве, по выражению Э. Фромма, первичных уз, связывавших человека с обществом, выступала принадлежность индивида церкви и словию¹²⁶. В соответствии с полной детерминированностью образа жизни и социального поведения средневекового человека общество отнюдь не лишало индивида его свободы, продолжает свои рассуждения названный философ и психолог. «Индивида» как такового еще не существовало, хотя он и обладал достаточными возможностями выражения своей личности в труде и эмоциональной

¹²² См.: *Berlin I. Two Concepts of Liberty...* P. 154-162. = *Он же. Два понимания свободы...* С. 164-173.

¹²³ См.: *Ibid.*, P. 162-163 etc. = *Он же. Два понимания свободы...* С. 178-179 и далее.

¹²⁴ См.: *Берлин И. «Не ведайте ни страха, ни надежды»...* С. 124 и далее, 126-127 и далее, 134 и далее, 140 и далее, 149-151 и далее.

¹²⁵ См.: *Берлин И. Стремление к идеалу // Он же. Философия свободы...* С. 18. = *Он же. Поиски идеала // Подлинная цель познания...* С. 15-17.

¹²⁶ *Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 31.*

сфере¹²⁷. И как следствие этого, и в средневековом праве, и в учениях церкви статус личности получал сугубо религиозную окраску – свобода трактовалась как исключительная прерогатива Творца, открывавшего перед человеком путь к спасению. Тем самым христианство, наделив человека божественным достоинством, подвигло его к свободному выбору своего жизненного пути и исполнению морального долга¹²⁸. Проповедуя смирение, церковь переносила идею свободы из социально-политического плана в спиритуальный и способствовала тем самым перестройке общественного сознания на новый лад¹²⁹. Божественный замысел воплощался в терминах божией и человеческой воли, то есть божественного детерминизма и свободы воли¹³⁰. Тем не менее, как и в других традиционных обществах, в Средневековье свобода продолжала покоиться на придании человеческой культуре «потустороннего», вземного значения, воплощенного в мифологических и религиозных представлениях людей. В этих условиях человек ощущал себя свободным лишь в той мере, в какой выступал носителем верования и преданий, отвечавших традиционным для данной культуры образцам религиозных воззрений общественных убеждений. Отступление от них воспринималось как раскол, ведущий изгоев к социальной отверженности¹³¹.

Таким образом, концепт «свобода» в приложении к Средневековью надлежит рассматривать в широком смысле слова с его пониманием в «негативном» и «позитивном» плане. Этот концепт оказывается вполне адекватным ана-

¹²⁷ Там же, С. 44-45.

¹²⁸ Ср.: *Гуревич А.Я.* Начало феодализма... С. 319-320 и далее; *Он же.* Категории средневековой культуры... С. 159-161.

¹²⁹ *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: Культура безмолвующего большинства // *Гуревич А.Я.* Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 283.

¹³⁰ См.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2006. Т. 2. С. 89, 96.

¹³¹ *Белик А.А., Резник Ю.М.* Социокультурная антропология: (историко-теоретическое введение). М., 1998. С. 170-171.

литическим средством воссоздания основных черт социокультурных явлений прошлого. Как показывает пример социокультурного концепта средневековой свободы, он обеспечивает допустимые пределы непосредственного сопоставления современных научных концепций и средневековых воззрений на «свободу». При всем разнообразии толкований названного понятия бесспорны принципиальные отличия понимания «свободы» в Средние века и в современности. В методологическом плане, очевидно, важна взаимосвязность концептов «свобода», «собственность», «власть» и других социально-политических характеристик социума. Одним из главных отличий восприятия «свободы» эпохи Средневековья несомненно являлось господствующая система религиозных взглядов. На их фоне концепции интеллектуалов новейшего времени, рассматривающих «свободу» как воплощение творческого начала человека, выглядят далеко не всегда допустимым вторжением современного ученого в «потусторонний» мир средневекового человека, где представления о «свободе» утрирует каждодневная рутина традиционного бытия.